

Л. М. Аржакова, В. А. Якубский

К ВОПРОСУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ СОБЫТИЙ СЕНТЯБРЯ 1939 Г. В УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

На первое сентября 2009 г. пришелся, как известно, печальный юбилей — исполнилось ровно семьдесят лет со дня начала Второй мировой войны. Круглая дата, помимо прочего, дала лишний повод для споров о том, кто и в какой мере виноват в драматических событиях августа–сентября 1939 г. — событиях, которые и спустя десятилетия с болью отзываются не только в нашей памяти, но и в реалиях современной политической жизни.

Хотя прошло много лет со дня нападения фашистской Германии на Польшу, ставшего прологом Второй мировой войны, и за эти годы выросло колоссальное количество литературы по данному вопросу, все еще остается немало остро дискуссионных проблем. Причем касаются они как самого начального периода затянувшегося на пять с лишним лет военного конфликта, так и предшествовавших ему событий. Во многих случаях ощутимо дает себя знать отсутствие хотя бы минимального единства в трактовке причинно-следственных связей между действиями стран — участниц войны, в истолковании тех мотивов, какими тогда руководствовались государственные деятели европейских держав. При этом массу разногласий вызывают применяемые авторами оценочные критерии и, соответственно, — употребляемая при этом терминология.

Причины тому, очевидно, самые разные, начиная со сложности, зачастую — крайней запутанности и внутренней противоречивости ряда наблюдавшихся тогда явлений. Не менее ощутимо сказываются также и ограниченный объем и характер имеющейся

* Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научно-исследовательского потенциала высшей школы 2006–2009 годы», тематический план НИР СПбГУ, тема 7. 1. 08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

в распоряжении историков источниковой базы, все еще сохраняющаяся недоступность для исследователей ряда архивных фондов, — обстоятельства, которые сплошь и рядом лишают ученых возможности должным образом проверить обоснованность предлагаемых в литературе гипотез, и т. п.

В конечном счете острота разногласий по поводу характера и подоплеку судьбоносных акций лета — осени 1939 г. обусловлена в первую очередь тем, что в мире и Россия не составляет здесь исключения — по сей день события достаточно далекой от нас поры воспринимаются предельно эмоционально, и их интерпретация живо затрагивает чувства (а нередко еще и политические интересы) людей, живущих в начале XXI века. Собственно говоря, и в упоминавшейся выше сложности доступа к архивным материалам, закрытости для исследователей ряда архивных фондов по существу проявляется неугасающая злободневность рассматриваемой темы.

Вовсе не хотим сказать, что в изучении интересующей нас проблематики не происходит никаких позитивных перемен. Напротив, за последние два десятилетия источниковая база все-таки значительно расширилась, не говоря уж о том, что у российских историков появилась возможность публично обсуждать сложные, даже щекотливые темы (вроде секретных приложений к договору 23 августа), о которых в не столь отдаленные времена в печати нельзя было даже заикнуться. Но, тем не менее, обостренное эмоциональное восприятие дипломатических и военных акций семидесятилетней давности все еще зримо отражается на состоянии нашей литературы. Наиболее наглядно это проявляется себя в учебных и научно-популярных изданиях.

А как раз эти издания — вместе со средствами массовой информации — служат для большей части читателей главным, если не единственным, источником сведений и суждений о том, что происходило осенью 1939 г. на территории Второй Речи Посполитой, каковы были мотивы и результаты вмешательства Советского Союза в ход идущей там германо-польской войны. Поэтому понятно, что большинство людей удовлетворяют свой интерес к этой проблематике, не обращаясь к специальным исследованиям. Именно учебная и публицистическая литература, вместе со средствами массовой информации, формирует в нашем обществе представления о далеком и недавнем прошлом, и, в частности, о том, что происходило в стране и мире на рубеже 1930–1940-х годов.

Такая роль учебной литературы и работ публицистического характера, естественно, привлекает к ним настойчивое внимание историков. Лишним тому подтверждением может служить состоявшаяся в 2007 г. во Вроцлаве российско-польская встреча ученых Вроцлавского и Санкт-Петербургского университетов, в ходе которой основным предметом обсуждения стало освещение истории русско-польских взаимоотношений в учебной (предназначенной как для средней, так и для высшей школы) литературе Польши и России. Материалы обсуждения составили первый выпуск «Вроцлавско-Петербургских исторических встреч»¹.

Само собой, понятно, что субъективизм и односторонность в трактовке событий прошлого сильнее всего проявляют себя, когда дело касается болевых точек в истории польско-российских взаимоотношений. За многовековую историю наших стран тако-

¹ См.: *Od Rusi Kijowskiej do Rosji współczesnej. Stan stosunków polsko-rosyjskich w obowiązujących podręcznikach do liceów i szkół wyższych*. Wrocław, 2008. [Wrocławsko-Petersburskie spotkania historyczne. № 1].

вых набралось немало. К числу вызывающих особенно острую полемику бесспорно принадлежит вступление Рабоче-Крестьянской Красной Армии на территорию Второй Речи Посполитой в сентябре 1939 г.

Начиная еще с того времени, с осени 1939 г., в нашей печати прочно утвердился тезис, согласно которому Советский Союз взял под свою защиту западноукраинские и западнорусские земли, в силу того что Польское буржуазное государство развалилось под ударами германской армии. Позднее, после 22 июня 1941 г. и особенно после разгрома фашистской Германии, в этом тезисе несколько по-иному были расставлены акценты. Как будет сказано в «Советской военной энциклопедии», вторжение немецко-фашистской армии в Польшу, приведшее к распаду польского буржуазно-помещичьего государства, «...создало не только прямую угрозу фашистского порабощения населения Западной Украины и Западной Белоруссии, но и опасность для западных границ СССР»². Аналогичные формулировки находим и в 12-томной «Истории второй мировой войны 1939-1946 гг.», и в ряде других изданий.

Во второй половине 1980-х гг., вслед за официальным признанием со стороны советского правительства самого факта существования секретных приложений к пакту Молотова–Риббентропа последовал критический пересмотр многих из прежних пропагандистских штампов. В ином свете предстали и обстоятельства ввода советских войск на территорию Польского государства в сентябре 1939 года. Этот вопрос был по-новому освещен в ряде работ. Но все же старая, игнорирующая ряд немаловажных обстоятельств и гиперкритическая по отношению к «панской Польше», трактовка сентябрьских событий не сошла со страниц некоторых наших изданий.

Даже университетский учебник по истории южных и западных славян, изданный в конце 1990-х гг., отдал дань своеобразно понимаемой политкорректности. В содержательном, со знанием дела написанном разделе «Польша. 1914 – середина 40-х годов» с полным основанием констатировано, что в сентябре 1939 г. Англия и Франция, вопреки принятым на себя обязательствам, так и не начали активных военных действий против немцев, предоставив полякам воевать в одиночку, а те храбро сражались, но не могли устоять перед натиском превосходящих сил противника. Однако в отношении позиции Советского Союза ощутимо стремление как-то сгладить острые углы. По поводу сентябрьских событий 1939 г., в частности, сказано, что Москва, в течение двух недель соблюдая нейтралитет, затем изменила свою позицию под влиянием хода военных действий³. Иными словами, учебник предпочел умолчать о том, что вмешательство СССР в германо-польскую войну подразумевалось заранее, еще в ходе советско-германских переговоров, что с первых дней войны германская сторона настоятельно добивалась скорейшего ввода советских войск на территорию Польши, а Красная Армия получила приказ перейти польскую границу еще 12 сентября, но затем этот приказ Москва отменила, поскольку стало известно, что Варшава все еще продолжала держаться.

Если университетский учебник, тем не менее, в целом соблюдает взвешенность и объективность при освещении весьма непростых советско-польских отношений, то этого, к сожалению, никак не скажешь о выступлениях ряда наших публицистов. Даже если не обращать внимания на низкопробные сочинения вроде публикаций

² Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 138

³ История южных и западных славян. М., 1998. Т. 2: Новейшее время. С. 113.

Ю. И. Мухина⁴, все равно придется признать, что в появившихся за последние годы книгах и статьях публицистического характера, посвященных Польше и русско-польским отношениям, порой весьма ощутимо дает себя знать антипольская риторика.

Так, Дм. Жуков совсем недавно выпустил книгу под броским (чтобы не сказать вызывающим) заглавием: «Польша — “цепной пес” Запада». При этом, надо отдать автору должное, материал он знает. Но порой истолковывает его весьма своеобразно. По логике Жукова, предъявленные Гитлером в августе 1939 г. ультимативные требования к Польше — это не более чем «вполне приемлемые предложения», и поляки, отвергнув их и «отказываясь тем самым от установления дружественных отношений с рейхом», выходят, сами виноваты в свалившихся на них 1 сентября 1939 г. бедах. Как объяснено читателю: «Причинами германского вторжения в Польшу были непрекращающиеся издевательства над немецким меньшинством, а также нежелание поляков урегулировать вопрос с исконно немецким Данцигом»⁵.

Как ни странно, но такой подход находит в современной России даже известную поддержку. В ознаменование семидесятилетия со дня нападения гитлеровской Германии на Польшу кто-то счел уместным поместить на официальном сайте Института военной истории Министерства обороны РФ статью аналогичного содержания. Правда, когда из-за этого поднялась шумиха в СМИ, министерские чиновники, не вдаваясь в публичную дискуссию, тихо убрали злополучную статью.

Трудно согласиться с Дм. Жуковым и когда он едва ли не ставит знак равенства между мотивами, какими руководствовались осенью 1939 г. германское и советское правительства («Приблизительно аналогичные основания имелись и у СССР») ⁶. В то же самое время книга содержит немало достоверной и полезной информации о советской политике этого периода, о действиях Красной Армии на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, проводимых там социальных преобразованиях и пр. Автор не избегает и щекотливых тем. Он, например, сообщает читателям о судьбе капитулировавшего перед Красной Армией львовского гарнизона: «В соответствии с условиями сдачи города польскому гарнизону была гарантирована и обещана возможность уйти в Румынию или Венгрию. Однако большинство офицеров — свыше 2 тысяч человек — вскоре оказались в лагере для военнопленных в Старобельске»⁷.

Подобная объективность, надо признать, свойственна не всем публикациям на интересующую нас тему. Доходит до того, что один из наших историков-популяризаторов, упомянув о возвращении полякам по условиям Рижского мирного договора 1921 г. вывезенных в свое время царским правительством из Польши культурных ценностей, заключает не без чувства явного удовлетворения: «Все эти ценности, силой выгнанные из русских музеев, впрямь ляхам не пошли. В 1939 г. они стали трофеями немцев»⁸.

Цитируемые слова принадлежат перу А. Б. Широкограда, плодовитого публициста, который в 2007 г. выпустил объемистую книгу, посвященную польскому вопросу: «Давний спор славян: Россия, Польша, Литва». Судя по тому, что вскоре понадобилась ее пятитысячная допечатка, книга нашла самый живой отклик в нашей читательской среде. Будучи далеко не беспристрастен в своей характеристике многовековых польско-

⁴ Мухин Ю. Антироссийская подлость. М., 2003; и др.

⁵ Жуков Д. Польша — «цепной пес» Запада. М., 2009. С. 296.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 314.

⁸ Широкоград А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М., 2007. С. 689.

российских взаимоотношений, Широкоград особое внимание уделил военным сюжетам. Однако его мысли и по данному поводу порой носят, мягко выражаясь, дискуссионный характер.

Читателя буквально ставят в тупик рассуждения Широкограда о военном потенциале Советского Союза в 1939 г. Автор, казалось бы, придерживается распространенной и, по-видимому, обоснованной точки зрения, согласно которой Красная Армия вовсе не была готова к войне на два фронта — и с японцами, развязавшими летом 1939 г. вооруженный конфликт на Халкин-Голе, и с немцами, чем в значительной мере и было обусловлено подписание с фашистской Германией пакта о ненападении, а затем «Договора о дружбе и границе». По поводу тогдашнего состояния нашей армии в книге безоговорочно заявлено: «Уровень подготовки офицеров и генералов в РККА был намного ниже, чем в вермахте, а рядового состава — просто несопоставим».⁹ Но буквально на следующей странице без тени колебания говорится нечто прямо противоположное: «Начнись война в 1939 г., у Гитлера не было бы шансов дойти даже до Минска. А вот Красная Армия вполне могла через два-три месяца взять Берлин»¹⁰. На чем основана авторская уверенность, читателю так и не поясняется...

В 2008 г. А. Б. Широкоград опубликовал новый свой труд — «Польша: Непримири-мое соседство». По существу это — сокращенный на добрую треть текст «Давнего спора...». Но появились там и новые страницы. Если прежде автор не возражал против того, чтобы называть сентябрьские события на западной границе СССР советско-польской войной, да и глава, где рассматривались результаты кампании, так и была озаглавлена: «Итоги войны 1939 г.», то за год, прошедший с момента публикации первой книги, позиция автора изменилась. Теперь читателю объяснено, что применительно к 1939 г. о советско-польской войне говорить не следует, — так сейчас говорят «либеральные историки, как у нас, так и в Польше»¹¹, каковых Широкоград, естественно, не жалует. Острие его критики направлено, можно полагать, в первую очередь против М. И. Мельтюхова, автора содержательной, во многом основанной на архивных материалах, монографии «Советско-польские войны», где почти половина листажа посвящена сентябрю 1939 г.¹² Однако полемики с Мельтюховым все же не получилось: рассуждения самого Широкограда по данному вопросу достаточно зыбки и расплывчаты (по его словам, «в широком смысле слова можно говорить и о войне... Но в узком смысле слова термин “война” здесь неприменим...»¹³ и т.д.).

Однако затронутый А. Широкоградом вопрос о терминологии действительно значим. В том, как обозначается авторами сентябрьская операция советских войск, четко проявляет себя понимание ими характера давних и, тем не менее, далеко не утративших своей злободневности, драматических событий. А диапазон колебаний здесь действительно значителен — от «освободительного похода» до «агрессии». Конечно, едва ли нужно — да и возможно — в декретном порядке регулировать словоупотребление. Но разобраться в причинах такого разброса мнений необходимо.

⁹ Там же. С. 749.

¹⁰ Там же. С. 750.

¹¹ Широкоград А. Б. Польша: Непримири-мое соседство. М., 2008. С. 393.

¹² Исследование увидело свет в 2001 г., второе, исправленное и дополненное издание вышло в 2004 г. В том же году труд был переиздан в сборнике: «Блицкриг в Европе. 1939–1941». См. также: Мельтюхов М. Освободительный поход Сталина. М., 2006; и др.

¹³ Широкоград А. Б. Польша: Непримири-мое соседство... С. 393.

Первым из обозначений формулой «освободительный поход Красной Армии» широко оперировала советская пропаганда, закрывая при этом глаза на тот факт, что Советский Союз фактически выступал здесь в роли союзника гитлеровской Германии. Обвинение же нашей страны в агрессии пошло от польских эмигрантских кругов, которые упорно игнорировали, в частности, то обстоятельство, что прежде всего как раз позиция Варшавы в предвоенную пору сделала невозможным создание антигитлеровской коалиции.

Обе стороны, разумеется, сознают, что в данном случае не пристало использовать лишь одну черную или одну белую краску; и за последние годы в чем-то позиции сторон сблизились. Но полемика продолжается — даже на высоком правительственном уровне, как показали проходившие в сентябре 2009 г. мероприятия, связанные с 70-летием со дня начала Второй мировой войны.

О том, как в настоящее время подходят к данной проблеме польские историки, известное представление способны дать имеющиеся в русском переводе обзорные очерки истории Польши. Так, достаточно репрезентативна в этом отношении «История Польши» Михала Тымовского, Яна Кеневича и Ежи Хольцера, где в главе, посвященной Второй мировой войне («Угроза физического уничтожения»), рассказывается сначала о вторжении на территорию Польши немцев, а затем — и о вторжении советских войск. Авторы считают необходимым подчеркнуть, что в ходе сентябрьской кампании «в действительности был приведен в действие план, разработанный и предусмотренный соглашениями советско-германского пакта» и «успешному для Германии продвижению войск вглубь Польши способствовали и события на ее восточных рубежах». Впрочем, неприятие мотивации Москвы, которая «оправдывала этот шаг полным распадом Польского государства, а также необходимостью защиты проживавших в Польше украинцев и белорусов», авторы пробуют как-то уравновесить, признав неудовлетворительными действия (вернее сказать, их отсутствие) западных союзников Польши, которые не нанесли «...обещанный удар по Германии, что вынудило бы немцев перебросить на запад часть сил с польского фронта»¹⁴.

Примерно ту же трактовку находим в изданном у нас несколько ранее очерке А. Дыбковской и ее соавторов, где Ян Жарын, автор раздела «Польша в годы Второй мировой войны», пишет: «17 сентября 1939 г., когда столица еще оборонялась, когда шли тяжелые бои под Львовом, на полуострове Хель и по всей Люблинщине, советские войска, в соответствии с тайным августовским договором с Третьим рейхом, напали на Польшу с востока»¹⁵.

В том же ключе рассматривается проблема и в «Истории Центрально-Восточной Европы», подготовленной группой французских и польских ученых. При этом Петр Вандич, автор раздела «Война и мир», признает, что все еще остается открытым такой актуальный вопрос: «Полностью ли неожиданным было советское вторжение 17 сентября 1939 г., что лишило польскую армию возможности сопротивляться?». Говоря об ответственности западных союзников за сентябрьский разгром, П. Вандич ставит и скорее риторические вопросы, такие как: не «...лежали ли в основе этой катастрофы ошибки, допущенные в ходе мирных переговоров 1919 г.? Великие державы-победи-

¹⁴ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / Пер. с пол. М., 2004. С. 434.

¹⁵ Дыбковская А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995. С. 271.

тельницы, не они ли главным образом несут ответственность за невозможность создания системы безопасности в масштабе всей Европы и поддержки стран Центральной и Восточной Европы, которым непосредственно грозила опасность?»¹⁶.

Понятно, что польских ученых волнует в первую очередь судьба их родины. Но, весьма критически оценивая советскую политику по отношению к Польше, они нередко целиком абстрагируются от общего положения дел в мире, в том числе — от той ситуации, в какой оказался Советский Союз после провала переговоров с Англией и Францией о противодействии фашистской агрессии, совпавшего по времени с японскими провокациями на Дальнем Востоке.

Едва ли есть резон разворачивать сейчас полемику насчет словоупотребления: называть ли события 17 сентября 1939 г. *вторжением* Советского Союза в Польшу или квалифицировать включение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР как *оккупацию*.

Но куда не уйти от того факта, что имеющие определенный историко-правовой смысл термины под пером польских историков нередко приобретают субъективно-эмоциональную окраску. Так, в университетском учебнике «История Польши: 1918–1945» профессор А.-Л. Сова именуется оккупацией не только воссоединение украинско-белорусских земель, но и переход Виленщины в состав Литвы. По словам историка, «для большинства (курсив наш. — Л. А., В. Я.) поляков это было попросту оккупацией»¹⁷. Выходит, для автора «оккупация» — понятие скорее эмоционально-оценочное?

Однако каждый историк, выносящий свой вердикт по поводу вызывающего споры исторического факта — вступления Красной Армии в сентябре 1939 г. на территорию гнущей Второй Речи Посполитой, — думается, обязан (ориентируясь, помимо прочего, на характер и объем информации, какой могли в ту пору располагать политики) взвесить доводы «за» и «против», прежде чем говорить, скажем, об «оккупации»...

В данном вопросе польские авторы склоняются к однозначно негативной оценке действий Кремля. Дело фактически сводится ими к одному — к тезису о не спровоцированному, ничем, кроме захватнических appetитов советского руководства, немотивированному нападению Советского Союза. Тезис еще можно понять как корректив к тем велеречивым объяснениям, какие некогда предлагала советская пропаганда. Но по существу подобный подход — это, в лучшем случае, абстракция, мало считающаяся с тогдашней расстановкой сил в Европе и мире.

Польские авторы, квалифицируя вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в СССР как оккупацию, как-то проходят мимо вопроса, какова после 1 сентября 1939 г. для этих земель была реальная альтернатива приходу Красной Армии. Очевидно, что эти земли захватил бы Гитлер. Историк не должен забывать и о том, что летом 1939 г. — при тогдашней, уклончивой позиции Лондона и Парижа — Москва фактически пребывала в состоянии форс мажора: ей вполне зримо угрожала война сразу и на Дальнем Востоке с Японией, и в Европе с Германией...

¹⁶ Алексюн Н., Бовуа Д., Дюкрё М.-Э., Клочовский Е., Самсонович Г., Вандич П. История Центрально-Восточной Европы / Пер. с фр. СПб., 2009. С. 857–858.

¹⁷ Historia Polski. 1918–1945. Kraków, 2006. S. 23.

Summary

Polemics about whom and to what extent could be charged for unleashing the Second World War, started as known with German invasion to Poland, is still lasting for almost 70 years. This article is considered with closely related issue of how some modern Russian and Polish non-academic publications treat the Soviet-Polish war of 1939.

There is well recognized success made by some recent interpretations. New sources were introduced and valuable studies, like M.I. Meltjuhov's one, were published. At the same time some Russian and Polish experts still cultivate one-sided view while characterizing complicated and almost contradictory events. Political and national preferences still tell on final interpretations. Criticizing studies of P. Vandich, D. Zhukov, A. Shirokorada and al. the authors share the common attitudes to the ways of how to teach the history of Soviet-Polish War of 1939 worked out while in Wrocław University in 2007.